ДОМ ХОЛОДНЫХ ВЕТРОВ

ВАСИЛИЙ БУРЦЕВ

Василий Бурцев

Дом холодных ветров

«Автор»
2025

Бурцев В. А.

Дом холодных ветров / В. А. Бурцев — «Автор», 2025

ISBN 978-5-532-89210-1

Следователь Сергей Ракитин приезжает в заполярный городок, чтобы спрятаться от прошлого. Вместо тихой службы он получает дело об убийстве: в оленеводческой бригаде застрелен человек, а единственный подозреваемый — старый чукча Тынэ-нкэй Рытхэу — молчит и не говорит по-русски.Чтобы понять, что произошло, Ракитину нужно попасть на место преступления. Дорога через тундру занимает несколько дней. Но у природы свои планы: вездеход ломается посреди перевала, начинается буран, из белой мглы выходит белый медведь-людоед, а по пятам идёт волчья стая. Двое мужчин, связанных наручниками, оказываются в ловушке. Один — следователь, привыкший к власти. Другой — охотник, для которого тундра дом.Это не просто история о выживании. Это история о том, как человек, всю жизнь думавший только о себе, вдруг понимает, что значит — отвечать за другого. И о том, что настоящая справедливость не всегда там, где закон.

ISBN 978-5-532-89210-1

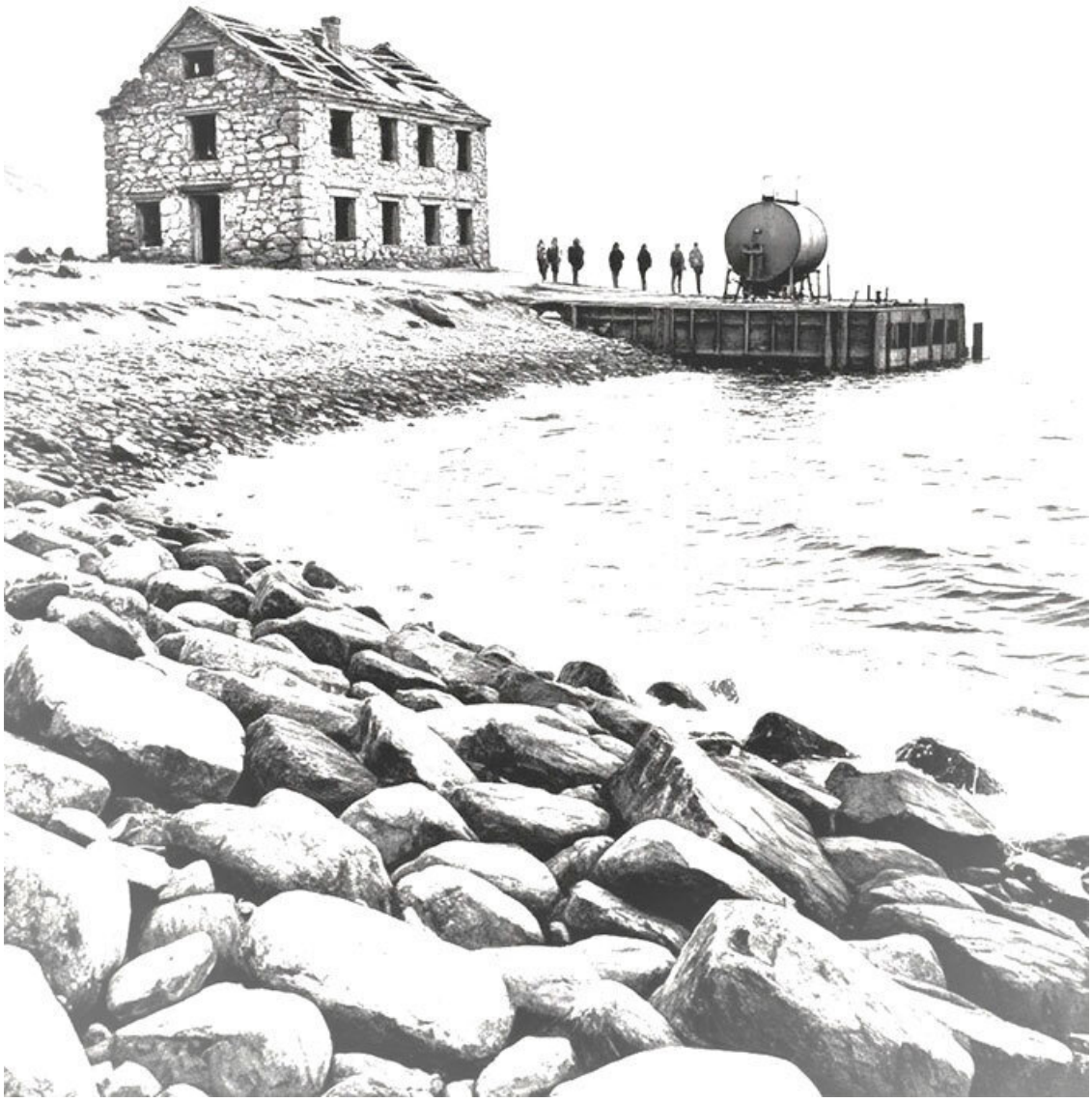
© Бурцев В. А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 6
Глава 1 9
Глава 2 16
Глава 3 22
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Василий Бурцев
Дом холодных ветров

.

Пролог

Шторм закончился, и теперь свежий ветер разносил запах выброшенной на берег морской капусты по всей округе. Дерзкий и порывистый, он взъерошил чёрные вихры на голове мальчишки, спутал их и помчался дальше.

Старик улыбнулся. Его и без того узкие раскосые полоски вместо глаз, подёрнутые паутиной глубоких морщин, стали совсем незаметными и заблестели от умиления, наполнившись влагой. Сухая как ветвь кисть коснулась макушки внука, пригладив непослушные волосы.

– Нэлгу, скажи отцу, что тебе пора уже стричься, – шепнул он на ухо ребёнку.

– Ага, – отмахнулся тот и добавил нетерпеливо тонким голоском: – Эпэкэй, долго нам ещё ждать?

Мальчик перестал всматриваться в морские волны и, повернувшись, пристально посмотрел в глаза дедушке.

– Может, нет, а может, и да, – пожал тот плечами, отвёл взгляд и снова вгляделся в кромку воды, накатывающую на крупную гальку. По правде говоря, ему самому не нравилось лежать в засаде на холодных камнях, едва затянутых тонким слоем плешивого мха. Вечером немолодые кости непременно отблагодарят его за эту опрометчивость болью в суставах и ноющих мышцах. Но упустить столь редкий теперь случай было никак нельзя. Другой может долго не представиться… Старик потёр затёкшую шею и тихо произнёс:

– Потерпи немного. Рыбаки заметили его в бухте недалеко от посёлка. Он плыл в нашу сторону. Если это так, и он действительно выйдет у нас, то ты сможешь увидеть, как это работает.

– А если нет? Значит, мы зря тут прятались столько времени? – шмыгнул носом внук.

– Значит, зря, – согласно выдохнул Эпэкэй.

Малыш насупился, но с места не сдвинулся. Старческое сердце отрадно застучало. «Хороший охотник получится, – подумал старик, – стойкий и усидчивый».

Сопка, на которой они укрывались, обрывалась у самой воды, образуя неприступную каменную стену. Порода там осыпалась, обнажив чёрно-рыжий скальник, и камни ощетинились острыми гранями. Попробуй вскарабкайся на такую! Но никто и не пытался. Однако левая сторона была достаточно пологой. Её и использовали в качестве спуска, о чём свидетельствовала изрядно вытоптанная дорожка.

Тропа располагалась в распадке между двух сопок. На одной стороне заняли свои места дед с внуком, а на другой начинался посёлок.

Одноэтажное здание, построенное ещё при Союзе, имело печальный вид старой заброшки. Облезшие стены, оголившиеся шлакоблоком углы и осевший угол с широкой трещиной от фундамента до обвалившейся крыши. Слепые окна, как водится, заколотили досками. Осыпь строительного мусора, частично заросшая мхом и травой, довершала картину. Когда-то давно там располагался местный клуб, отдушина для всей поселковой молодёжи, так как других развлечений для них не имелось. Вокруг на многие километры раскинулась тундра и необъятное, вечно холодное море.

Перед клубом на сварных сваях из автомобильных колёсных дисков и металлических труб лежала большая бочка. Даже цистерна – резервуар, когда-то предназначавшийся для опреснённой питьевой воды. В её торцевой части, обращённой к побережью, имелось одно, но довольно широкое прямоугольное отверстие. Над ним поднимался толстый лист железа, который являлся задвижкой. Возле конструкции суетились мужики, наспех укладывая внутрь приманку и раскладывая припасённое оружие – стальные пруты, кувалды и обрезки труб.

Тундра дышала во всю мощь своих зелёных лёгких, наполняя округу жидкой дымкой влажного тумана. Он быстро оседал крупными каплями, которые тускло сверкали с каждого

листа куцей поросли. Серые тучи, словно комья свалявшейся ваты, низко нависли над землёй, угрожая залить всех дождём. Или засыпать снегом.

Нэлгу осмотрелся. И тут, и там, затаились наблюдатели. У некоторых в руках было оружие. Его наличие взволновало ребёнка – дыхание его стало частым, но интерес ещё более жгучим. Он был уже достаточно взрослым, а отец-охотник научил отличать ружья друг от друга. Огнестрел понапрасну не достают. А это значит – дело серьёзное, и точно стоящее того, чтобы ждать.

Однако терпение подходило к концу…

Неожиданно со стороны послышался окрик. Что именно кричали, мальчик не разобрал, но по тому, как все зашевелились, понял – началось. Он вытянул шею, стараясь разглядеть отца в суетившейся толпе, и даже будто бы узнал пёструю клетчатую куртку, мелькнувшую среди остальных, как вдруг…

– Смотри, – шепнул старик, и, придерживая голову парнишки за подбородок, слегка развернул её.

Мальчик ахнул.

Между тонких барашков морской пены поднимался опасный хищник. Сначала показалась его голова с острой мордой. Уши торчком, нос и два глаза – чёрными пятнами. Движения заторможенные. Белый медведь вплавь может преодолеть очень большое расстояние. Неизвестно, сколько проплыл этот, но явно выбился из сил. Он грузно вышел на берег, сильно сутулясь. С мокрой шерсти, сбившейся в клочья, стекала вода.

Зверь был огромным, хоть и походил на мешок с костями. Очень худым, наверняка оголодал… Немного постояв, он задрал кверху морду, активно работая носом, и медленно, но верно направился в сторону бочки.

Вокруг все замерли. Нэлгу поспешно, даже чересчур резко, набрал полные лёгкие воздуха, и задержал дыхание. Твёрдые пальцы Эпэкэя коснулись спины, и мальчик тихо выдохнул, успокаиваясь.

Запах рыбы, уложенной охотниками внутрь ловушки, манил к себе. Это был способ, хорошо показавший свою эффективность. Он и сейчас не подвёл. Чем ближе становилась бочка, тем быстрее делались движения измученного зверя. На последнем отрезке пути тот сорвался на бег и быстро добрался до желаемого. Не медля ни секунды, медведь нырнул в чёрную утробу железного резервуара.

Сразу же появились охотники. Они обступили бочку и разобрали заранее припасённое оружие. Один из них быстрым движением сбил заслонку, которая гулко рухнула вниз, запирая единственный путь для отхода.

Один за одним посыпались удары по корпусу бочки, и каждый сильнее предыдущего. Металлический звон дробью разлетался по округе, неприятно бил в барабанные перепонки. Нэлгу прикрыл уши ладонями и зажмурился. Он представить себе не мог, что чувствует сейчас медведь, находясь внутри и в полной темноте. Грохот продолжался очень долго, как показалось мальчишке, и прекратился лишь тогда, когда руки мужчин опустились от усталости, но в ушах всё ещё звенело.

– Открывай! – донёсся до Нэлгу, словно сквозь вату, знакомый голос.

– Смотри-смотри! – толкнул внука в плечо Эпэкэй.

Мальчик открыл глаза. Отнял ладони.

Сверху на бочку уже кто-то забрался, и, используя трубу как рычаг, потянул засов. Из ловушки тут же рванулся зверь. Однако проём всё ещё был недостаточно широк, и, врезавшись в железную пластину, медведь лишь сильно сотряс стенки, но выбраться не смог. Засов сорвался и снова ухнул вниз. Мужики тут же принялись колотить в железные борта. Мальчик снова закрыл уши, но зажмуриваться теперь не стал.

Вторая попытка оказалась успешнее. Засов был поднят. Однако медведь отчего-то выходить не торопился. А вот такого быть не должно… Обычно они сразу же вылетали из бочки, не задерживаясь ни на секунду.

Дедушка подался вперёд. За ним выпрямился и мальчик.

К этому времени как-то незаметно побережье укутал туман, но, увлечённые действом, люди не обратили на это внимание.

Было плохо видно. Неясные силуэты охотников осторожно приближались к распахнутому отверстию резервуара. Резкий крик, метнувшееся в воду белое пятно, всплеск и запоздалые выстрелы. Это всё, что можно было отсюда рассмотреть.

Старик поднялся в полный рост и потянул за собой внука:

– Вставай, Нэлгу. Пойдём, нам пора, – на лице его были обеспокоенность, сосредоточенность и растерянность одновременно. – Ты ступай домой, а я посмотрю, что там случилось. Возможно, нужна моя помощь.

– Эпэкэй, можно мне с тобой? – запротестовал мальчик и с надеждой заглянул старику в глаза.

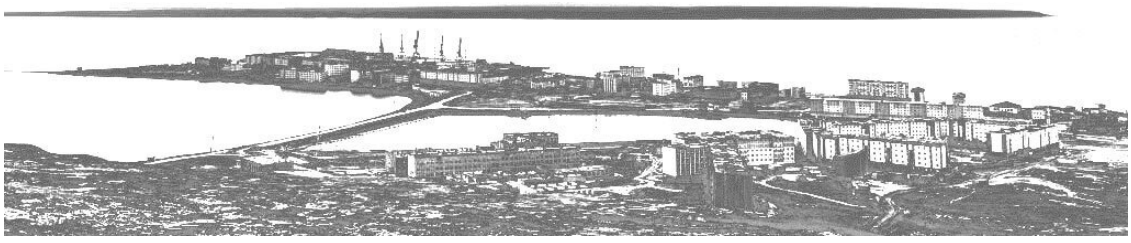
– Нет, – покачал тот головой. – Беги домой, а я позже всё тебе расскажу. Согласен, Нэлгу, что скажешь?

Мальчик смиренно опустил голову, вынул свою ладонь из ладони деда и поплёлся к дому. Обернулся лишь однажды – сгорбленная спина старика уже была едва различима в тумане.

И вдруг Нэлгу увидел, что к берегу бросилась чья-то тень. Присмотревшись, он опознал в ней Бориса – своего друга. Тот однозначно собирался тайком подкрасться к ловушке, где сейчас столпилась большая часть мужского населения их небольшого посёлка.

Лишь секунду поколебавшись, мальчик бросился следом и настиг его возле старого клуба. Встретившись взглядами, мальчишки сразу поняли друг друга. Борис приложил палец к губам и махнул рукой, увлекая за собой. Оказавшись на остатках перекрытий крыши, они превратились в слух.

Одного из охотников медведь зацепил при побеге. Сейчас его руку быстро перематывали какими-то тряпками. Много крови… Ругань и сожаления по случаю промаха по хищнику. Кто-то говорил, что теперь это животное, отведавшее человеческой крови, опасно для жителей посёлка, и было бы хорошо выследить его и застрелить[1]. Другой возражал, что прямо сейчас этого сделать не получится. Послышалось слово «людоед», что сильно не понравилось детям. Пострадавшего взяли под руки и потащили в посёлок. Мальчики побыли в своём укрытии ещё недолго и тоже поспешили домой. Оставаться одним на берегу было страшно, особенно когда рядом этот монстр…

Чукотка никого не оставляет равнодушным!
Врач-психиатр Гуцул И. Н.

[1] Белые медведи занесены в Красную книгу, и приём с ловушками нужен, чтобы держать их подальше от поселений

Глава 1

Гул турбин авиалайнера жутко раздражал, нагружая невыносимым однотонным звуком болезный, отходящий от алкогольной интоксикации мозг. Желудок подрагивал в такт вибрациям фюзеляжа, норовя вывернуться наизнанку. «И нафига надо было так набираться», – мысли медленно ворочались внутри головы Сергея, словно несмазанные шестерни. На лбу страдающего диким похмельем мужчины выступила липкая испарина. Ватный, будто опухший язык прошёлся по пересохшему нёбу, словно наждачная бумага. Привкус во рту вызывал отвращение: «Где эта кошка, которая нагадила мне в рот?» – пришли на ум чьи-то слова.

Превозмогая ломоту во всём теле, он кое-как дотянулся до кнопки вызова бортпроводника, чтобы попросить стакан воды. Чувствуя, как от него несёт перегаром, и чтобы не мучить попутчика, сидящего в соседнем кресле, мужчина отвернулся к иллюминатору и прижался к его прохладному стеклу, от чего на секунду испытал блаженство. «"Дорогие коллеги". Нет бы просто проводить, обязательно надо всем набухаться», – Сергей медленно закрыл глаза, давая им отдохнуть от яркого солнца, преследующего самолёт, и мысленно перебирая в памяти события последних месяцев.

Сергей Ракитин, не так давно разменявший третий десяток, летел на новое место службы, в один из провинциальных городков Чукотки. Мало представляя себе предстоящий фронт работы, он, тем не менее, утешал себя мыслью, что мера эта вынужденная, что была она продиктована необходимостью, и, останься он в прежней должности, ему было бы несдобровать. Человек, которому он опрометчиво перешёл дорогу, оказался более живучим, чем думал Сергей, а также крайне злопамятным и жестоким.

Откусив кусок, который ему не проглотить, Ракитин подписал себе если не смертный приговор, то уж точно участь сидельца в каком-нибудь «красном» заведении из числа мест не столь отдалённых. Ибо взгретые подношениями коррумпированные чины пустят карателей в застенки даже «красных» тюрем и развяжут им их длинные руки. Бегство (перевод – «с глаз долой») было правильным решением. А оставление хлебной должности следователя отдела Следственного Управления следственного Комитета – ещё не конец света. В конце концов, парень он молодой, амбициозный, своего не упустит и всё ещё наверстает.

Ах, если бы он не вписался в эту авантюру с рейдерским захватом строительной фирмы, жизнь бы сложилась иначе, шла бы своим чередом, принося не такие крупные, но все же сытные хлебные крошки помимо официальной зарплаты. Ведь чувствовал же, что дело тут нечистое и весь план просто на грани фола. Нет же, амбиции и жадность возымели своё… а что теперь? Хорошо ещё, так отделался. Пришлось расстаться со всем имуществом, планами на жизнь… На службе, правда, оставили. Его умение создавать полезные связи и налаживать коммуникацию с нужными людьми ценились руководством очень высоко. А такой сотрудник, пусть и у чёрта на куличиках, всё равно может пригодиться. Рано или поздно, когда пыль скандала уляжется и забудется, можно будет вернуть его обратно… Ну, а сейчас главное отвести его из-под удара и спрятать от пристального внимания.

– Эй, парень! – услышал Ракитин незнакомый голос сквозь сонную пелену. Он и не заметил, как провалился в дремоту. Его робко, но настойчиво тормошили за плечо. «Что?» – мысленно возмутился Сергей, разлепляя сонные веки и поворачиваясь к соседу.

– Твоя вода. Принесли вот…

Действительно, сосед – небольшой потасканный мужичонка «из рабочих», в старом застиранном свитере, – держал в грубых морщинистых руках пластиковый стаканчик, в котором плескалась вода, и смотрел на страдальца понимающим взглядом. Сергей поднял голову, перевёл взгляд со стаканчика на проход салона воздушного судна и увидел спину удаляющегося бортпроводника. «А, точно!» – вспомнил он и посмотрел на лампу рядом с кнопкой

вызова обслуживающего персонала. Та уже погасла, и теперь не выделялась среди остальных таких же ламп. Сергей аккуратно принял из рук услужливого мужчины стакан и отпил маленький глоток. «Фу, тёплая!» – расстроился Ракитин.

– А я вот на вахту… – начал было говорить сосед дребезжащим голосом, пытаясь завести беседу. По нему было заметно, что к перелётам он не привык и сейчас нервничает.

– Угу, – неопределённо промычал Сергей. Ему было плевать. Он залпом осушил стаканчик, смял его в кулаке и закинул за клапан впереди стоящего кресла. Снова отвернувшись к иллюминатору, закрыл глаза. Сосед вздохнул и замолчал.

«Вот и хорошо. Заткнись, не до тебя сейчас». А вообще Ракитину ни до кого не было дела. Он жил собой и для себя, удовлетворяя любые свои капризы и не считаясь с желаниями окружающих.

Вчера в ресторане перед самым отлётом коллеги, теперь уже наверняка бывшие, и многих он уже никогда не увидит, устроили ему настоящий прощальный банкет. Больше напоминавший поминки. Столько хороших слов о себе он никогда прежде не слышал. Конечно, о покойниках – либо хорошо, либо ничего… От всех этих тостов веяло фальшью, – впрочем, как и от большинства коллег. Многие действительно надеялись, что провожают Ракитина в последний путь. Потому что друзей среди них не было, только полезные знакомства. Нет, разумеется, все они в силу специальности были притворщиками, но некоторые из них делали это совсем уж грубо, даже можно сказать – не профессионально. Такой подход рано или поздно выльется для них в неприятности.

Он принял правила игры и отыграл свою партию притворства на пять баллов, улыбаясь и шутя, отвечая взаимностью на похвалы, признания в вечной дружбе и сотрудничестве. Такие правила действовали в этих стаях… «Ну что ж, прощайте, волки! Впереди новая жизнь. Только так».

В тот момент Сергей даже и не подозревал, насколько он был близок к истине в своих рассуждениях…

Перелёт оказался мучительно долгим и крайне изматывающим. От Москвы до пункта назначения летели с пересадками, со сменой воздушного судна и даже с дозаправкой на каком-то богом забытом аэродроме посреди нехоженой тайги или даже тундры, где пассажирам запретили покидать салон самолёта. Видимо, опасаясь, что у кого-то хватит смелости отойти достаточно далеко, чтобы заблудиться. Но спорить никто не стал, даже курильщики: охоту отбили тучи громадных комаров, жужжавших повсюду, как маленькие коптеры. Парочка таких вот кровососущих тварей словно могла бы схватить за шкирку и оттащить в ближайшие кусты, и высосать там все соки.

Сразу бросалось в глаза, что чем дальше от столицы на восток, тем хуже выглядели удобства, предлагаемые пассажирам. А за границей полярного круга удобства просто исчезли. Посадку в аэропорту городка, – одного из торговых портов Северного морского пути, – совершили уже на стареньком, потрёпанного вида АН-24 (или АН-26, на каком-то из них, Ракитин не разбирался), местной авиакомпании.

Ещё на подлёте к городку Сергей понял, какая это дыра.

У самой кромки бескрайнего Северного Ледовитого океана, на крохотном участке суши, зажатом среди череды пологих сопок, вытянулись невзрачные дома, преимущественно пятиэтажки. Детали, конечно, с высоты разглядеть было невозможно, но, о господи, целый район выглядел заброшенным: дома с обшарпанными стенами и тёмными провалами разбитых окон занимали приличный участок, – если не сказать, что третью часть и без того небольшого населённого пункта. А улочки между ними были плотно заставлены морскими грузовыми контейнерами всевозможных оттенков. В центре, прямо среди жилых домов, густым чёрным дымом чадила огромная труба. Жирный смог относило в сторону разноцветных обитаемых пятиэтажек. «Не понял! Они что, тут в респираторах ходят?!» – немного шокированный, Сергей отпря-

нул от иллюминатора, уставился в потолок, роль которого выполняли пластиковые панели на своде фюзеляжа и, вслушиваясь в разговоры в салоне, принялся ждать приземления.

Вскоре командир объявил, что полёт завершается, и попросил выполнить стандартные для таких случаев процедуры, – после чего умолк, не утруждая себя повтором сообщения на английском, как было принято на прочих междугородних маршрутах. Ракитин огляделся, но все были безучастны. И правда, для кого тут повторять, да ещё и по-английски? Перебьются… Судя по всему, его окружали сплошь вахтовики да местные жители.

Была, конечно, и парочка других, солидных на вид, персонажей. На таких у Ракитина взгляд был заточен. Он автоматически отметил их присутствие и взял на карандаш. Но «солидные» тоже не возмущались… Пускай молчат. Но ведь он-то другой! Он заплатил, и притом немалые деньги! А значит, должен получить максимум выхлопа!

Мимо как раз проходила стюардесса. Уже немолодая женщина восточноазиатской внешности со смуглым оттенком кожи и располневшей фигурой, в каком-то сером шерстяном платке, накинутом на плечи поверх формы авиакомпании.

– Простите! – как можно мягче, даже заискивающе, позвал Сергей. Он считал, что такое обращение просто нельзя проигнорировать, и что сотрудник из числа обслуги должен сделать всё для столь особенного и тактичного клиента. Женщина остановилась, но глянула на Ракитина так сурово, что на секунду деморализовала его. «Что?!» – кричал её недовольный взгляд. Немой вопрос был таким реальным, громким и искренним, что Сергею показалось, будто он в голос прозвучал внутри его головы. Стюардесса не скрывала своего раздражения.

Ракитин опешил. «Не на того напала!» – подумал он возмущённо, а вслух произнёс всё так же мягко, словно и не заметил неприязни, исходившей от неё:

– Капитан что, не станет дублировать сообщение на английском? – выдал он ненавязчивую претензию, уже внутренне ликуя, что поставил обслугу на место, заставляя выполнять рабочие обязательства.

– Оно тебе надо? – грубо и совершенно непочтительно для человека её профессии рявкнула стюардесса и, не дожидаясь реакции, как ни в чём не бывало отправилась дальше по своим, прерванным каким-то выскочкой делам.

Сергей совсем уж растерялся от неприкрытого хамства, совершенно, по его мнению, им не заслуженного. Он-то не хамил и как мог более учтиво обратился к ней, а в ответ такой негатив! Теперь он обдумывал план мести или же какой-нибудь пакости, чтобы воздать бортпроводнику по заслугам…

Пока он представлял себе яркие сцены «воздания заслуг», самолёт вздрогнул, коснувшись бетонной полосы, пилот включил реверс, и турбиновинтовые двигатели взревели, совершая маневр торможения.

Сразу после того, как воздушное судно подрулило к терминалу аэропорта и остановилось, в салон прошли двое военных, как выяснилось – пограничников. У каждого потребовали документы на предмет легальности пребывания на территории. Проверив Сергея и опознав в нём своего, ему предложили добраться до города на их транспорте, объяснив, что вызвать такси с аэропорта почти невозможно из-за плохой связи, да и сто́ит оно недёшево. Отказываться от подобных предложений было не в принципах Ракитина, к тому же предстоящее знакомство с силовиками выглядело весьма перспективным.

Первые выводы о новом месте дислокации Сергей сделал, когда разглядывал городок с неба сквозь стекло иллюминатора. Но с земли, да и ещё в упор…

М-да, то ещё местечко. Аэропорт расположился на побережье, вплотную приблизившись к береговой линии. Территорию со стороны суши огораживала ржавая сетка-рабица. Каждая секция была спрятана в стальную коробку с нахлобученной сверху двумя рядами ржавой, местами подранной колючей проволоки. Часть забора стояла в воде, а часть в ней лежала. Очевидно, за сохранностью периметра здесь особенно не следили. Помимо того, что огражде-

ние покосилось, территория была замусорена фрагментами фюзеляжей вперемешку с кусками обшивки, запасных частей и деталей различного назначения, строительного и прочего хлама.

Ракитин обвёл всё это взглядом и уставился на терминал. Приземистое, серое двухэтажное здание с короткой башенкой диспетчера по центру, мутными маленькими квадратами стёкол, отколотой местами облицовкой, обнажавшей кирпичную кладку, – было под стать атмосфере. Создавалось впечатление, что оно не сегодня, так завтра рухнет. Печальное зрелище.

Трагически вздохнув, Сергей проследовал внутрь.

Внутреннее убранство терминала не разочаровало мужчину, поскольку Ракитин его себе примерно так и представлял: тёмное тесное помещение с одним рабочим окном, отделанное невзрачной, местами косо наклеенной плиткой. Видимо, косметический ремонт делали вездесущие специалисты из средней Азии – их почерк… А капитальный был наверняка ещё при Советском Союзе, символы которого сохранились на массивных межкомнатных дверях из алюминиевых рам с толстыми стёклами. Лестница с широкими ступенями и массивными деревянными перилами вела на балкон второго этажа. Пыльные уродливые плафоны загромождали потолок, отвлекая внимание от паутины широких трещин на нём. Нет худа без добра. Наверное, администрация аэропорта рассуждала подобно маме Дяди Фёдора из мультфильма «Трое из Простоквашино»: «…от этой картины на стене очень большая польза, она дырку на обоях загораживает». Только вместо картины – плафоны, а вместо дырки – трещины.

Получив свой чемодан, Сергей взбежал на второй этаж, где находилась каморка, которую пограничники называли своим кабинетом. На втором этаже оказался зал ожидания: узкое пространство с несколькими рядами железных кресел, сцепленных между собой по три штуки и выставленных спинкой друг к другу. Между окнами, не заслоняя вид на взлётно-посадочную полосу, стояли автоматы с газировкой, шоколадными батончиками и прочими вкусностями, которые так любят юные путешественники. Был тут и кофейный автомат, его за ненадобностью затолкали в угол.

Также имелась площадка вокруг «второго света», откуда было удобно наблюдать за пассажирами на первом этаже аэровокзала. На площадке, в изобилии домашних растений, высаженных во все возможные ёмкости на любом свободном участке, разместились лавочки, отдельные стулья и старые кожаные кресла. В одном углу скопились двухсотлитровые резервуары для воды и приткнулся письменный стол. В другом жёлтым светом горело оконце билетной кассы, где маячила девичья головка с волосами, забранными в хвост. Лицо кассира было опущено вниз, отчего хвост, провдетый в чёрную резинку, был похож на застывший нефтяной гейзер.

Кроме билетёрши, в помещении было несколько мужчин, праздно шатавшихся туда-сюда, подростков, залипших в гаджетах, и аборигенов. Последние так выделялись, что Ракитин невольно задержался на верхней ступеньке, разглядывая их с неприкрытым интересом.

Смуглокожие мужчины и женщины восточноазиатской внешности с морщинистыми улыбчивыми лицами, неопределённого возраста, в окружении своей ручной клади, большого количества разномастных пакетов, коробок и сумок, сбились в кучу, как будто вокруг них не было места. Они что-то громко обсуждали на своём тарабарском языке, режущем слух, выкрикивая непонятные фразы. Одеты были тоже странно: на них словно были надеты сразу все их вещи по принципу: «Всё своё ношу с собой». К тому же одежда явно была не первой и даже не второй свежести, мятая и местами запачканная тёмными пятнами. Какой же запах должен стоять вблизи?

Внезапно в руке одного из них что-то блеснуло. Послышался звон стекла. Понятно. Распивают алкоголь. И где? Прямо посреди зала ожидания! Сергей снова осмотрелся, но эта сцена больше никого не смутила. «Вот это нравы», – покачал головой Ракитин. Словно бомжи… Волна брезгливости прошла по телу.

– Серёга, мы здесь! – окликнули мужчину. – Заблудился, что ли? Я же сказал, наверх и направо! – приоткрыв дверь, не замеченную Сергеем ранее, из неё наполовину высунулся Михаил и призывно помахал ему рукой. Ракитин подошёл и кивнул в сторону аборигенов.

– А, не обращай внимания, – по-своему понял кивок пограничник, – скоро у них вертолёт в национальное село. Проводим их и сами поедем! Пошли в кабинет, чай пить будем.

Напившись чая с печеньем, Ракитин принялся ждать, пока силовики не разберутся с делами. Оказывается, они торчат здесь, пока аэропорт не закроют на ночь. Да-да, он не принимает борта круглосуточно. В его графике есть даже выходные.

* * *

Ну что ж, шестьдесят шестая с копейками параллель северной широты Северного полярного круга, самая северная из пяти выделенных параллелей на географических картах, осталась за спиной. Будучи мальчишкой-мечтателем, как и многие из его сверстников в те времена, грезящие дальними походами к неизвестным и опасным берегам, Сергей не раз представлял себе этот самый Северный полярный круг, где хозяйничают белые мишки, или Южный полярный круг, где в огромные колонии сбиваются пингвины – не то птицы, не то рыбы. И всегда думал, что пересечение вот этой воображаемой линии обязательно должно будет отметиться внутри каким-то особенным чувством…

Но ничего особенного не случилось. Самолёт не впился в упругую стену холодного потока, разделяющего миры невидимой границей, его не обдало ветром ледяного дыхания Арктических широт, в голове не зашептали голоса шаманов и предков тех загадочных народов, что с Сотворения Мира проживали на территории этой вечной мерзлоты. Заполярье встретило переселенца ярким солнцем первых чисел августа, вполне себе тёплой погодой и резким, необычайно сладким и контрастным запахом цветов, трав, грибов и ягод, витавшим в воздухе и гонимых ветрами с материковой части тундры. Казалось, надышаться этим чудом вдоволь будет невозможно. И счастлив тот, кто может дышать этой чистотой всю свою жизнь.

– Серёга, поехали! – окликнул Ракитина один из пограничников, тот, кого звали Михаилом. Он появился из здания аэропорта с тяжёлыми сумками в руках и сразу направился к «буханке», вхолостую тарахтящей уже несколько минут. Второй, он назвался Вячеславом, распахнув задние дверцы автомобиля, гремел сейчас там какими-то железками, освобождая места для багажа.

На парковке перед зданием аэровокзала больше никого не осталось, и было необычайно тихо, – во всяком случае, пока Слава не решил прогреть служебный УАЗ. Теперь Ракитин стоял спиной к терминалу и разглядывал руины заброшенного посёлка. Да, оказывается, рядом с аэропортом когда-то был большой населённый пункт, где серой монолитной глыбой среди обступивших его «избушек» и унылых двухэтажек, на берегу ещё не знакомой Сергею реки, стоял внушительных размеров советский недострой. Немного левее зиял внутренностями полуобвалившийся корпус какого-то производственного помещения. Дороги заросли травой, на улочках всюду валялись продукты распада некогда жилых домов, а также кузова, рамы и другие части старой автомобильной техники. Такое ощущение, что жизнь ушла отсюда очень давно, – вероятно, так и было. На фоне этих руин здание аэропорта смотрелось довольно бодро и уже не навевало тоску.

– Ты чего тут? – не дождавшись нового знакомца, подошёл Михаил, на ходу прикуривая сигарету.

Сергей молча кивнул в сторону посёлка.

– Такое тут повсюду. Печальное зрелище. Но привыкнуть можно, – выпуская струйку дыма, прокомментировал пейзаж Миша.

– А что это за здание? – ткнул пальцем в монолит Сергей.

– Вроде школа должна была быть, – пожал плечами погранец, – тут до Развала знаешь сколько народу жило?

– Сколько?

– А хрен его знает. Много. Так говорят.

– Ты сам давно здесь?

– Пятый год.

– Давно…

– Да не, время тут по-другому течёт, сам не заметишь, как пенсия придёт, – Миша бросил окурок под ноги и растёр его носком армейского ботинка. – Ладно, Серёг, поехали, насмотришься ещё, успеешь.

«Буханку» трясло на местной дороге словно припадочную. Оказалось, Чукотка асфальта никогда не знала, – во всяком случае, на загородных направлениях. И это-то как раз было понятно, но очень непривычно. Предметы подпрыгивали на своих местах, норовя куда-нибудь закатиться и затеряться там навсегда. Хоть к панели приборов прибивай! Взметённая поскакушками пыль заволокла весь УАЗ, испортив предыдущие впечатления. Всё же пыль – она везде одна и та же. Вездесущая и ненавистная. Сергей сидел в жёстком кресле пассажирского салона, вцепившись обеими руками в столик, закреплённый напротив.

Слава с Мишаней устроились впереди. Вячеслав, лихо крутя баранку из стороны в сторону и объезжая дроблёный скальник, заменявший на Чукотке дорожное полотно, устроил попутчикам знатную болтанку. Путь до городка был неблизкий, а дорога петляла то по тундре, то между сопок.

Миша извлёк из пачки две никотиновые палочки и прикурил, окончательно устроив в запылённом салоне душегубку. Одну всунул в зубы водителя, вторую с наслаждением потянул сам. Слава бросил короткий взгляд в стекло заднего вида и встретился с умоляющими глазами Сергея.

– Ты не куришь, Серёг? – спросил он и, получив отрицательный ответ в виде бешено мотающейся на шее головы и клацающих зубов (хотя это мог быть и не ответ вовсе), закрутил колёсиком поворотной рукоятки, опуская боковое стекло. Упругий поток воздуха тут же ворвался внутрь салона, заклубив, закружив и окончательно перемешав сигаретный дым с пылью. Ракитин закашлялся, в горле запершило. – Эко ты нежный, приятель! – заметил Слава, и пограничцы весело захохотали.

– Тебе есть где остановиться-то? – отсмеявшись, добродушно осведомился водитель.

Точно! Как Сергей не озаботился этим сам? Совсем забыл. Проклятое похмелье…

– Нет, – растерянно произнёс он.

– Что ж это ты так?

– А гостиница в вашем городе есть? – с надеждой спросил Ракитин.

– Есть! И гостиница есть, и квартиры сдают. Но они тебе не понадобятся сегодня.

– Почему это?

– Потому что поздно уже. Сегодня перекантуешься у меня, а завтра видно будет.

– Удобно ли?

– Нормально, – вклинился в разговор Мишаня, – он своих в отпуск на материк спровадил, сейчас бобылем живёт.

В зеркале Слава закивал головой, соглашаясь со словами напарника:

– Не переживай, не стеснишь, квартира у меня большая и места в ней много. Посидим, выпьем с дорожки, покушаем. А завтра займёшься своими вопросами.

«Господи, опять пить! – в сердцах взмолился про себя Сергей, – «Сколько можно? Отказываться неприлично. Гостеприимство, чтоб его…»

– Мишань, тоже подскакивай, только беленькую захвати, – отвлёк от мыслей Ракитина Вячеслав, обратившись к напарнику.

– Добро! – азартно отозвался тот, выбрасывая окурок в приоткрытое окно.

Наконец, за очередным поворотом показались первые строения. Ракитин прильнул к стеклу, о чём тут же пожалел: крутой маневр впечатал его туда носом, наказывая за непредусмотрительность.

Глава 2

Тынэ-нкэй Рытхэу, потомственный чаучу[2], из кочевых оленеводов и охотников, в свои пятьдесят с небольшим хвостиком лет был достаточно опытным, что называется, тундровиком. Но не просто жителем тундры, а, так сказать, «автономным тундроплавателем». Единицы способны проводить месяцы в одиночных походах, бороздя её бескрайние просторы, имея при себе только котелок, нож и карабин, а всё необходимое добывать уже в пути. Многие опасности поджидают смельчаков на маршруте, не говоря уже о труднодоступной местности, где запросто можно повстречать хищников, которые будут не против перекусить случайными прохожими. Не всякий возвращается, и это факт. Те, кто не справился, просто исчезают. Исчезнувших может выследить только опытный следопыт. Но сейчас следопыты уже почти попереводились. А вот Тынэ-нкэй Рытхэу был, и он ещё мог.

У его отца и матери очень долго не было детей. Все уже подумывали о болезнях родителей, о неплодородности чрева матери или неспособности отца к зачатию наследника, каждый в свою меру. И только шаман Утылэта неустанно проводил одному ему известные обряды, взывая к силе духов и прося о помощи предков молодой паре. И когда, после долгих лет, поздней весной уже немолодая женщина родила мальчишку, это была огромная радость для всех. Как водится, на пятый день после его рождения прошёл обряд выбора имени. В ярангу родителей пригласили всеми уважаемых людей рода. Шаман, отстучав в бубен своей обтянутой кожей колотушкой, повесил на её край ожерелье матери в виде ремешков из оленьих шкур с бусами из костей животных и небольшими чёрными перьями по бокам. Присутствующие члены рода по очереди называли имена и внимательно смотрели, не шевельнётся ли украшение в ответ на произнесённое слово. Именно так духи предков выражали свою волю.

И так и вышло. По случайности двое присутствующих одновременно озвучили имена, и ожерелье дрогнуло, – имя пришлось духам по вкусу. Таким образом малыш получил своё первое имя – Тынэ-нкэй, и второе – имя мифического ворона Куркуля[3]. Имён у этой птицы было много, поэтому злой дух мог запутаться и пройти мимо человека. Второе имя мальчика оставили в тайне для большинства соплеменников – оно считалось оберегом и не произносилось вслух. На том и порешили.

Детство Тынэ-нкэя прошло на одном из притоков реки Чаун, на берегу которой когда-то обосновали стойбище его соплеменники. Тогда их было несколько семей. Это небольшое племя, оторванное по естественным причинам от влияния цивилизации, занималось разведением оленей, охотой, рыбалкой и собирательством грибов, ягод, полезных трав и всего того, что помогло бы им выживать в течение долгой зимы, – в точности так же, как делали и их предки. С раннего возраста отец приучал сына к жизни в суровом краю и трудностям быта. Не одну сотню километров бескрайней тундры прошёл Тынэ-нкэй вместе с отцом, впитывая его наставления. А когда наследнику исполнилось шесть лет, его принялись воспитывать как воина. Так было принято поступать со всеми мальчиками. В этом участвовали не только близкие родственники, но и все мужчины стойбища. Детей закаляли, учили стрелять из лука, обращаться с заточенным шестом, холодным и прочим оружием, быстро бегать и быстро просыпаться, чутко реагировать на подозрительные звуки. Тренировали остроту зрения. Учился он и у матери – терпению и трудолюбию, доброте и уважению, созиданию и хранению семейных ценностей, благодарности и любви…

Долго оставаться без внимания цивилизации племени не довелось. Советские геологоразведочные экспедиции наткнулись на стойбище, прокладывая маршруты к интересующим

[2] Слово «чукчи» происходит от названия одной из групп этой народности – чаучу, что переводится как «богатый оленями».

[3] Куркуль – создатель Мира, создатель Вселенной в религии большинства коренных народов крайнего Севера.

их местам. С тех пор она захлестнула малочисленный род в полной мере, разбавив его кровь и привнеся свои блага. По достижении положенного возраста Тынэ-нкэй ушёл в армию, отслужил и вернулся в родной край на Чукотку. За время его отсутствия стойбище преобразовалось в оленеводческую бригаду на государственном содержании. Все, от мала до велика, были привлечены к работе в бригаде и получали заслуженное вознаграждение. К сожалению, была и другая сторона перемен. Знакомство с алкоголем плохо сказалось на соплеменниках, поселение стало вырождаться, а молодёжь начала разъезжаться по городам в поисках более простой и лёгкой жизни.

Но только не Тынэ-нкэй. Тундровик Рытхэу считал себя настоящим потомком своих предков, которых чтил, – без капли крови «чужеземцев» в своих артериях. Гордясь происхождением, он в полной мере был хранителем вековых традиций рода и принимал участие в обрядах. Любил двух своих сыновей и жену. Дети сейчас были далеко. Они уже выросли. Один отдавал долг государству, проходя службу в армии, второй, постарше, жил и работал в Москве. Забыл отца, давно не навещал его… Хотя Москва – она такая, сильно занимает людей. Жену Тынэ-нкэй похоронил. Болела она сильно, страдала, но несколько лет назад отмучилась. С тех пор оленевод жил один и всё больше посвящал своё время воспитанию молодняка и обучению их тому, что знал сам. Молодёжь училась неохотно, – в школах посёлков и городов им рассказывали о мире с его удобствами и транспортом, и это было куда интереснее, чем опыт прошлых поколений.

…Июль выдался прохладным и дождливым. Комары не сильно докучали своими притязаниями на кровь луораветлан[4]. Тынэ-нкэй сидел на старых деревянных нартах, опрокинутых набок и прислонённых к деревянному ограждению оленьего загона, присматривая за стадом. Нарты были поломаны и годились теперь разве что на растопку костра. Недалеко стояла приземистая палатка. Ночной кроваво-красный солнечный диск проглядывал сквозь тяжёлые грозовые тучи, готовые сорваться дождём. Тынэ-нкэй с наслаждением выпускал в воздух густой сизый дым настоящего табака. Он очень гордился своей курительной трубкой из клыка моржа, которая досталась ему по случаю и была выменяна всего на десять патронов к карабину. Какой-то умелец вырезал на её поверхности сцену китобойной охоты с орнаментом, который завораживал оленевода. Многие пытались купить или выменять эту трубку и у Тынэ-нкэя, но тщетно. Рытхэу привязался к ней всей душой и расставаться ни в коем случае не собирался.

Совсем недавно с одним, особенно рьяным соплеменником, пришлось даже помериться силой. Тот был хоть и моложе, но уступал охотнику и в опыте, и в мужестве, да и, если честно, был немного не в себе. Парень считался в бригаде человеком со своими заскоками, не в меру агрессивным, придирчивым и злым. Злоупотреблял алкоголем, покуривал «шаманские» травы, которые те используют для связи с духами, лунатил по ночам и часто впадал в депрессию. Люди его жалели: в городе-то наверняка пропадёт, а здесь, в бригаде, за ним присмотрят. Он же, хоть и не признавал такую заботу, но и не противился ей, пользуясь добротой соплеменников в полной мере.

Хозяйство бригады, конечно же, охранялось. Выпуская терпкий дым, который так хорошо дерёт горло, в холодный, влажный перед дождём воздух, Тынэ-нкэй обвёл взглядом многочисленное оленье стадо. Олени плотно сбились друг к другу, грея свои бока. По периметру загона разбили свои палатки пастухи, оберегая поголовье от диких животных – волков, медведей или росомах, которые частенько захаживали в бригаду за дармовым мясом. К тому же особи, надолго оставленные без присмотра, могли уйти «в самоволку» или пойти за «дикарём» – диким оленем, вышедшим к загону. Таких животных нужно было догнать, отбить у хищника или у «жениха» и вернуть обратно.

[4] В переводе с чукотского это означает «настоящие люди».

К сожалению, не всегда это легко было сделать. В схватках с хищниками, заглянувшими на огонёк, частенько страдали сами пастухи, защита стада иногда стоила им жизни. На памяти Рытхэу за время существования бригады погибло пятеро его соплеменников, стерегущих оленей. Пастухи дежурили по одному. У каждого в распоряжении был карабин, сигнальный пистолет, портативная радиостанция и квадроцикл. Но людей было слишком мало, чтобы охватить всё стадо, поэтому они реагировали на любой подозрительный шум в той или иной стороне, поднятый животными.

А ещё очень помогали собаки. Не ездовые хаски, а обычные беспородные дворняги. Обладая не в пример лучшим обонянием и чутким слухом, они заблаговременно предупреждали человека о появлении чужака, чем давали хозяину время для нужных мер. Вот и сейчас рядом с оленеводом улеглась, уткнувшись в густую бежевую шерсть, сбившуюся пучками, сука по кличке Айда. Несмотря на спокойный и безмятежный вид, уши сторожевой собаки стояли торчком, словно локаторы, и слегка подрагивали, реагируя на звуки, исходящие от сонных оленей.

Пока Тынэ-нкэй смаковал терпкий аромат табака, погружённый в свои мысли, солнечный диск заволокли тучи, которые налились тяжестью, почернели и словно бы опустились ещё ниже. Где-то над дальней сопкой сверкнула молния. Поднялся ветерок, в воздухе появилась дождевая взвесь, запахло озоном. Оленевод сделал последнюю затяжку, чуть задержал дым в лёгких и медленно выдохнул, зачарованно наблюдая, как тот, из густого и сизого, постепенно рассеивается, становясь всё тоньше, прозрачнее и тая на глазах. Перевернув трубку головкой вниз, постучал ею о старые нарты, вытряхивая пепел, а потом, распахнув полы дождевика, сунул её во внутренний карман кожаной куртки. Оттянув левый рукав, глянул на циферблат старых часов. Начало третьего ночи. Торчать на воздухе смысла нет. Олени не беспокоятся, впрочем, как и собаки. Вот-вот сорвётся дождь, и сидеть под его моросью, хоть и в дождевике, удовольствие ниже среднего. Да и поспать бы немного не помешало.

Спрыгнув с нарт в мягкое покрывало из густой и влажной травы, он быстро направился к палатке. Наклонившись и откинув брезентовый полог, коротким свистом окликнул собаку. Айда тут же сорвалась с места и юркнула внутрь. Следом за ней в палатку влез и оленевод. Внутри царил полумрак, но было сухо. Под пологом на коротком отрезке проволоки висела жестяная банка с отверстиями по бокам. Внутри горела небольшая свеча, грея и освещая помещение. Кроме свечи, в дальнем углу была смонтирована небольшая самодельная буржуйка, труба которой уходила в специальное отверстие в брезентовой крыше. В топке тлели угли, отдавая последнее тепло. Подкармливая печь, Рытхэу подкинул в топку чурки и прикрыл дверцу. Сухие деревяшки сразу же вспыхнули, весело затрещав.

Айда вскинулась, когда Тынэ-нкэй, сидя на «пятой точке», уже стянул с себя дождевик, бросил его в угол слева от входа, скинул один сапог и принялся за второй. Человек замер, наблюдая за реакциями собаки, безоговорочно доверяя её инстинкту и чуйке. Но собака как будто была не уверена, несёт ли тот звук какую-либо угрозу. Потом она толкнула носом край полога и выскользнула из палатки. Оставшись в одиночестве, оленевод тоже прислушался, но кроме капель воды, барабанящих о крышу палатки, ничего не услышал. Тем не менее, тревога животного передалась и ему. Взволнованный, снова наспех одевшись, он выскочил под дождь.

Дворняга нашлась недалеко от палатки на тех же сломанных нартах. Айда взобралась на самый верх и, вытянув нос, к чему-то принюхивалась, при этом неотрывно глядя смотря в сторону от загона. Пастух приблизился и встал рядом с ней. Животное коротко обернулось на хозяина и, отвернувшись, продолжило изучать обстановку. Мелькнула молния, осветив серую стену мелкого дождя, последовал глухой раскат грома. Рытхэу вгляделся туда же, куда и собака, пытаясь понять, в чём дело. Его смущало, что олени, обычно тоже чующие хищника, в этот раз безмятежно спали. Если это не медведь, росомаха или волки, тогда кто?.. На границе види-

мости за пеленой мелкой мороси мелькнул силуэт. Человеческий. «Чужак? – удивился Тынэ-нкэй. – Да нет, откуда ему здесь… А вдруг?»

Мужчина перелез через ограждение загона и, удерживая взгляд на медленно идущей фигуре, двинулся за ней. Айда, покинув свой пост, трусила вслед за хозяином, настороженно озираясь и поводя ушами. Когда до силуэта осталось меньше ста шагов, собака расслабилась, – исключила угрозу, и теперь, иногда опуская морду к земле, изучая запаховый след, весело крутила хвостом. Шерсть её намокла и грязной паклей тянулась вниз. Мужчина даже подумал, что надо бы как-нибудь её обтереть, прежде чем пускать в палатку… Но это позже, а сейчас нужно догнать этого человека.

Оленевод прибавил шагу. Вот силуэт стал ближе. Он свернул, и теперь двигался параллельно ограждению забора. «Кто же ты?» – удивлялся пастух. Они с собакой уже далеко отошли от своего поста, преследуя неизвестного. «Нет, так я долго его догонять буду». – Оленевод перешел с шага на бег, и последние метры до «гостя» преодолел за несколько секунд.

Ночным гостем оказался тот самый Иван Омрын, с кем совсем недавно Рытхэу боролся за трубку. Тынэ-нкэй сначала подумал, что парень снова лунатит, но выкинул эту мысль из головы. Лунатики с карабином на плече не разгуливают, тем более в такую погоду. «Вот чёрт, карабин!» – спохватился оленевод, но поздно. Иван услышал, что кто-то приближается к нему сзади и резко обернулся, скидывая оружие с плеча. Его взгляд казался отсутствующим. Такого Тынэ-нкэю видеть ещё не приходилось, и он растерянно остановился.

Парень молча и не мигая смотрел на оленевода. Было совершенно неясно, что творилось в голове юноши и чего ожидать от этого безумца. Омрын был почти раздет. Он стоял в промокшем до нитки шерстяном свитере и старых изодранных джинсах. Колени были измазаны в грязи, – видимо, ползал где-то на четвереньках. Вязаная шапка съехала набекрень, обнажив прядь чёрных волос.

– Иван, что ты здесь делаешь? – как можно добродушнее спросил оленевод, при этом как бы случайно демонстрируя пустые ладони, чтобы не спровоцировать агрессию. Он-то свой карабин оставил в палатке.

Тот молчал, продолжая буравить мужчину взглядом. Тынэ-нкэй чуть приблизился и медленно потянулся к оружию:

– Давай-ка это я у тебя заберу, ладно?

– Нет! – резко ответил Омрын, делая шаг назад. – Ты меня не остановишь, я всё решил!

Теперь Иван смотрел прямо в глаза пастуха. Собака, как ни в чём не бывало, встала между людьми и, посматривая на них по очереди, махала хвостом.

– Я… – начал было Рытхэу, не понимая ещё, что он, собственно, хочет сказать. – Я и не собирался. Что ты задумал? Куда ты идёшь?

– Мне всё надоело. Я не хочу больше жить. Надо мной все смеются, и я никому не нужен. Я решил, я отправлюсь к предкам.

– Постой! – воскликнул оленевод. Стоя в паре метров от парня, и готовился выбить оружие из рук Ивана и уложить того на землю. Но едва он шевельнулся, как юноша перехватил карабин и приставил дуло к своей нижней челюсти в районе шеи.

Вытянув руки, Тынэ-нкэй бросился вперёд. Влажные от дождя ладони лишь скользнули по деревянным частям карабина, но этого было достаточно, чтобы немного отвести ствол в сторону.

Выстрел.

Пуля ушла вверх, не задев плоти человека. Близкий хлопок пороховых газов громовым раскатом ударил по ушам. Омрын отступил на полшага, взмахнув массивным прикладом СКС[5]. Удар пришёлся пастуху в скулу, но вскользь. Уклоняясь от удара, Рытхэу оступился в мок-

[5] СКС – самозарядный карабин Симонова.

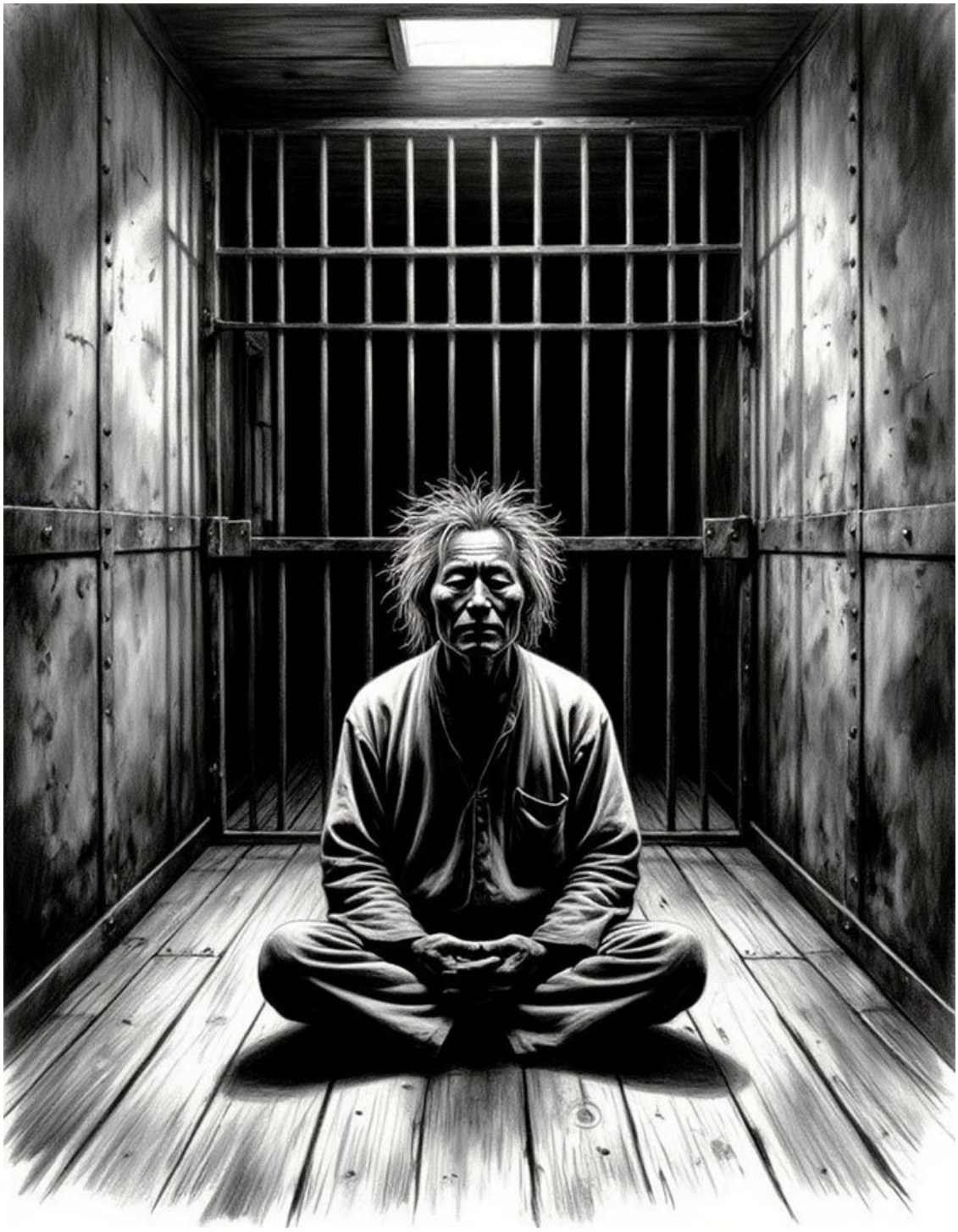
рой траве и рухнул на спину, подняв брызги жидкой грязи. Испуганная Айда шарахнулась в сторону, и оттуда, чуть склонив голову набок, смотрела теперь на дерущихся. Лёжа на земле, оленевод, не теряя времени, носком сапога ударил Омрына под коленный сгиб. Иван, потеряв равновесие, покачнулся и присел на одну ногу, взмахнув руками. В следующий миг Тынэ-нкэй, словно притаившийся на земле хищник, кинулся на парня, сбивая того с ног. Оба рухнули в грязь.

Собака взвизгнула и бросилась прочь. От шума начали просыпаться и реветь олени. Глаз пастуха заплыл, из рассечённой скулы сочилась кровь, капая на лицо и одежду оказавшегося под ним паренька. Оба схватились за карабин, каждый дёргая на себя в попытках завладеть оружием. Но мокрые и скользкие от дождя и грязи пальцы всё время скользили. Преимущества не было ни у кого. Продолжая кататься в грязи, по очереди оказываясь то сверху, то снова внизу, два человека продолжали борьбу. На кону стояла жизнь.

Погонщик квадроцикла Ямаха, подскакивая на неровностях местности, разбрызгивая лужи всеми четырьмя колёсами, разбудив своих подопечных рычанием двигателя на всю округу, мчался к месту схватки с другой стороны загона. Лучи ксеноновых фар взрезали сырую взвесь мелкого дождя, подпрыгивая в такт движению машины. Сверкали молнии, ломаными линиями распространяясь по небу. Гром загрохотал совсем уж близко, прямо над головой. Небесный водопроводчик отвернул кран на полную – хлынул ливень. Область видимости резко сократилась.

Погонщик сбавил скорость, чтобы не перевернуться на кочках. Холодные капли дождя били ему в лицо, водопадом скатывались по дождевику, стучали о металлические части железного коня и о карабин, висевший за спиной. Разгорячённый двигатель парил влагой, попавшей на его поверхность. Впереди показалось светлое пятно, движущееся навстречу. Эта была Айда, сторожевая собака Рытхэу, которая испуганно прошмыгнула мимо. Впереди прозвучал ещё один выстрел, что подстегнуло погонщика всё же прибавить темпа. Он обтёр ладонью лицо и взялся за акселератор на рукояти руля. Колёса резко провернулись, набирая ход и выбрасывая позади себя комья мокрой грязи.

Двое пастухов на квадроциклах подъехали почти одновременно, с разницей в несколько минут. Лучи ксеноновых фар высветили в пелене дождя одиноко стоящую фигуру с карабином в руке. Одежда на ней была испачкана грязью, лицо опухло и всё в крови. Подле ног, скрючившись, лежал труп человека, чья голова лопнула как переспелый арбуз. Вокруг белых осколков черепа растекалось кровавое желе.

Глава 3

Летние полярные ночи, не привычные поначалу любому приезжему, вызывают восхищение и даже восторг. Солнечный диск кружится по небосводу, однако не покидает его границ, не погружает территорию вечной мерзлоты в ночную дремоту. Но есть и проблема – чтобы заснуть, нужны плотные шторы на окнах, а то и другие ухищрения.

Не только из-за хронического недосыпа, но и в целом служба на Чукотке оказалось совершенно не такой, какой Сергей её себе представлял. Уже в первую «пьяную» ночь с местными силовиками из их рассказов и заверений он уяснил для себя, что все представители власти этого небольшого, – хотя нет, прямо скажем – крохотного городка живут и взаимодействуют между собой обособленно, позволяя себе то, чего нельзя обывателям. Откровения пограничников Ракитин намотал себе на ус и начал с заведения полезных знакомств.

Решив, что для него ничего особо не поменялось, Сергей настроился на позитивный лад и уже наутро, связавшись с руководителями местного подразделения СК, которые были расквартированы в столице автономного округа, утряс все интересующие его вопросы о жилье, рабочих моментах и прочих деталях будущей службы. Результатом оказался очень доволен и на этой ноте приступил к выполнению обязанностей. Их, как ни странно, оказалось не так уж и много. Служебного рвения с принесением в жертву свободного времени, как это было на прошлом месте, никто не требовал, поэтому Сергей расслабился и вошёл в обычный, неторопливый для Чукотки ритм, а позже и вовсе втянулся, и жизнь пошла своим чередом.

Потихоньку, по мере заведения нужных знакомств, «пьяных» дней становилось больше. Как, наверное, и во всей России, нужные и ненужные знакомства здесь подкреплялись совместным распитием спиртного. Подшофе люди веселы, расслаблены и открыты, – что называется, как на ладони, и можно смело определить, с кем хорошо иметь делá, а от кого стоит держаться подальше. Кроме того, люди общаются и объединяются ещё и на разных мероприятиях, – например, спортивных. Поэтому Сергей начал посещать спортзал и играть в футбол. Во-первых, для разнообразия, во-вторых, это полезно для здоровья, в-третьих, такой образ жизни Ракитину просто нравился.

Силовые структуры тут были расквартированы в жилых пятиэтажках, преимущественно на первых или вторых этажах. Отдельные здания (оба в центральной части городка) занимали только городская администрация и отделение полиции. Но в отличие от здания администрации со свежим ремонтом и пластиковыми окнами, полицейский участок размещался в серой и унылой, – видимо, ещё довоенной – постройке. Высотой в два этажа, она стояла не на сваях, как более новые дома, а на фундаменте, и не развалилась лишь благодаря толстым стенам из нескольких рядов шлакоблока, а также металлическим уголкам и монтажной пене, скреплявшим конструкцию. Из-за «гуляния» почвы летом и зимой по стенам разрослись широкие трещины. Шиферная крыша просела в коньке, норовя вот-вот сложиться как карточная или вовсе сползти вниз. Многочисленные ржавые пальцы длинных антенн торчали вверх, словно в мольбе к небу, и вряд ли выполняли сейчас какие-то функции. Колонны квадратной формы при входе также пошли трещинами, а местами и вовсе растеряли облицовку. Здание могло бы показаться заброшенным, однако свет в окнах и служебные автомобили перед фасадом говорили, что это ещё не так.

Ракитину повезло больше: служебный кабинет следователя СК был на втором этаже одного из жилых домов. Точнее сказать, это были несколько объединённых квартир, имеющие отдельный вход и приспособленные для нужд размещённого здесь подразделения следственного комитета. За редким исключением, в них царила тишина по причине отсутствия посетителей.

Вот и сейчас… Пятница, окончание рабочего дня, на часах половина седьмого вечера, на дворе первые дни августа, а в небе яркое солнце. В конторе ни звука. Лишь через открытую фрамугу тройного стеклопакета долетал шум улицы – шуршали колёсами, гудели моторами и клаксонами проезжавшие автомобили, щебетали звонкими голосами птицы и заигравшиеся на детской площадке малыши. В подворотнях гавкали собаки, прохожие громко говорили и хохотали. Где-то на пределах слышимости можно было опознать гул пролетавшего авиалайнера. Сергей, расслабленно откинувшись на спинку удобного кожаного кресла, лениво набирал на компьютере текст поручения для полицейского оперативника, тыкая в кнопки клавиатуры одним пальцем.

Электрический чайник отщёлкнул кнопку, оповещая о нагретой до кипятка воде.

Следователь поднялся с кресла и прошёл к столику, где стояли сервиз, вазочка с печеньем и конфетами, глянцевые пакетики чая и коробочка коричневого рафинада. Взяв одну из чашек, Ракитин надорвал верхний край упаковки с «Гринфилдом» и за верёвочку извлёк оттуда бумажный мешочек, где вперемешку с зелёными листьями были какие-то цветочные лепестки. Опустив мешочек на дно чашки, он придавил его двумя кусочками сахара. Бросив косой взгляд на циферблат настенных часов, вразвалочку направился за кипятком. Нужно было закончить с оформлением поручения, но уже не терпелось всё бросить и отправиться на рыбалку.

Летом на Чукотке все, кто мог, легально или не совсем, занимались ловлей рыбы. И приезжие, и местные, и коренные жители из малочисленных народов Крайнего севера. Нередко на промысел выезжали целыми семьями, а то и несколькими. Зато потом всю долгую зиму лакомились этим здоровым и необычайно полезным продуктом. По всему берегу, где разрешалась официальная добыча, через каждые несколько десятков метров были понатыканы так называемые балки́ – морские контейнеры разной величины, к которым пристраивались всевозможные подсобки, чуланы, бани, веранды, навесы или даже целые комнаты. Тут у кого какая фантазия, ну, и по потребности, конечно. Для кого-то такая фазенда на берегу Северного Ледовитого океана служила исключительно рыбацким домиком, а для кого-то была местом отдыха всей семьи.

Ракитин спешил, ведь его ждали отличные выходные на побережье. Он договорился с одним из своих знакомых, что сможет пользоваться его балком, пока тот в летнем отпуске. Домик был не слишком далеко от города, но на достаточном расстоянии, чтобы дать уединение, покой и умиротворение при занятии полюбившимся делом.

Взяв ложечку с блюдечка возле чайника, он сунул её в начинавшую темнеть жидкость и направился к столу. В задумчивости присел, отодвинул чашку, закрыл папку с материалами и отложил в сторонку. Затем привычным движением потянул за ручку верхнего ящика. Ящик с тихим шуршанием приоткрылся. В нём обнаружился свёрток из обрывка газеты «Полярная звезда», пропитанный блестящими жирными пятнами. Ракитин достал его и положил на лист запортаченного бланка допроса.

Одной рукой помешивая чай, другой он развернул бумагу. Там оказались широко нарезанные ломти сала с мясными прожилками, налипшими на него дольками чеснока и вкраплением соли и чёрного перца, а также два кусочка бородинского хлеба. Хозяин кабинета соорудил себе бутерброд, и, устроившись поудобнее, начал просматривать строки поручения, попутно прихлёбывая чай.

Через несколько минут и десяток исправлений по тексту Сергей закончил с перекусом, и с мыслью: «А, и так сойдёт!» – отправил документ на печать. Многострадальный принтер заскрежетал, словно древний старик, и родил на свет чёрно-белый экземпляр поручения. Ракитин извлёк из лотка бланк и, не обращая внимания на пятна, которые оставил грязными пальцами, положил в свою кожаную папку для документов. Потом сунул папку в портфель, собираясь отнести поручение в понедельник утром.

Выключив компьютер, смахнул со стола хлебные крошки и швырнул в корзину ненужный теперь свёрток из-под бутербродов. Портфель оставил прямо на сидушке своего кресла, пообещав себе занести поручение прямо с утра в понедельник. Глянув на часы, прикинул, что ещё успевает зайти в магазин за «беленькой», накинул на плечи ветровку и пошёл к двери. Щёлкнул тумблером, погасив освещение, и вставил в скважину замка бородатый ключ.

И тут в пустом кабинете громогласно зазвучал восьмибитный рингтон стационарного телефона – Иоганн Себастьян Бах, так называемая «Шутка» из Сюиты № 2. Экран трубки зарделся багровым, высвечивая контакт, хотя от входа было не видно, кто это. Действительно «Шутка». Ракитин стоял в нерешительности и очень надеялся, что поздний звонарь отвалится сам с собой, если не отвечать. Звонок на служебный телефон в такой час не подразумевал ничего хорошего, и наверняка испортит ему планы. Ещё немного подождав повторного звонка и не дождавшись его, Ракитин выдохнул и, закрыв дверь на два оборота ключа, весело поскакал по ступенькам вниз.

Внизу был припаркован «Хантер» чёрного цвета. Сергей, не медля более не секунды, прыгнул на место водителя и, воткнув ключ в замок зажигания, провернул его. УАЗ нехотя вздрогнул, чихая сизым выхлопом, и загудел. «Рывок до гаража, прикрепить прицеп, потом в квартиру переодеться, взять тормозок, и вперёд на рыбалку», – от этих мыслей стало приятно, и мужчина непроизвольно расплылся в улыбке, предвкушая отдых.

Оживая в кармане брюк, завибрировал мобильник. Ракитин напрягся, но вынул трубку и посмотрел на экран. Дежурная часть полиции. В досадном исступлении закатив глаза, Сергей откинулся на сиденье и ответил на звонок:

– Да!

– Товарищ капитан, дежурная часть, старший лейтенант Дауньшин вас беспокоит.

– Слушаю тебя, Василий Михалыч, – этого дежурного Ракитин знал и очень не любил: в его смены всегда что-то да случалось. Вот притягивает человек к себе неприятности и всё тут. А вместе с ним и другие страдают… Наверное, в каждой дежурной части страны есть такой Дауньшин, который осложняет жизнь другим за счёт своей непроходимой тупости. Нет, конечно, как сотрудник он незаменим – твёрд, исполнителен, – но деревянный, как… В общем, вслух такое не произносят. Тем временем дежурный продолжал:

– Опера нам человека доставили из бригады оленеводческой откуда-то из-под Чауна. Свидетелей опросили, но что случилось, пока неясно, как бы не убийство. Подозреваемый молчит, он и по-русски толком не говорит… Вы бы подошли, посмотрели бы, что да как, а? – интонация и вопросительно-просительные нотки в голосе старшего лейтенанта дали понять, что менты сейчас в затруднительном положении и нуждаются в том, кто взвалит на свои плечи решение этого геморроя. И, по ходу, этим решалой станет он, Сергей Ракитин.

– Без меня никак? Может, там ничего такого и не было? – попробовал соскочить следователь.

– Не знаю, но шеф сказал вас вызывать. Сказал, что это по-любому ваша подследственность.

Вот блин. С шефом полиции, как его за глаза называли рядовые сотрудники, ссориться не хотелось. Да и мужик он относительно нормальный – полезный.

– До понедельника не подождёт? – предпринял последнюю попытку Ракитин, уже догадываясь об ответе. – Ладно, сейчас подскочу. Где он у вас?

На том конце провода облегчённо выдохнули.

– В обезьяннике пока.

– Хорошо, ждите! – Сергей повесил трубку, в сердцах выругавшись про себя. Ясно, что выходные псу под хвост. Невзначай всплыла мысль о поручении, оставленном в кабинете. «Ну что ж, если так, то и его занесу сразу, пусть тоже побегают».

Идти в полицию Сергею не хотелось категорически. Малоприятное заведение. «Посещение сия заведения не рекомендую», – проговорил он про себя. Старая шутка из интернета.

Тут же вспомнился случай, который он видел в застенках того здания…

В коридоре первого этажа, где расположились запертые клетки, по обыкновению было темно. Пахло пылью, потом и туалетным зловонием.

Возле одной из них стояли двое. Скрюченные позы и тяжёлое дыхание выдавали, что им пришлось попотеть.

Сергей приблизился. Мужчины лишь повернули головы в его сторону, но вытягиваться в приветствии не спешили. На лицах читалось что-то матерное. Мундиры помяты. У одного оторван погон, у другого карман вырван с корнем и свисал тряпочкой. Грязные и взлохмаченные.

Ракитин было открыл рот, но тут его взгляд упал на силуэт, мирно сидящий на подоконнике у окна. Фигура была огромна – настоящий богатырь. Сидел тихо и, как говорится, никого не трогал. Однако сложить два плюс два тут было несложно… Судя по спокойному выражению лица, измотать этих полицейских ему не составило труда.

Глаза наконец привыкли к полумраку. Это был мужчина славянской внешности, однако просматривалась в его лице какая-то ненормальность, что ли…

– Местный дурачок, – глубоко выдохнув, пояснил один из полицейских и с кряхтением разогнулся.

– Ага, – подал голос второй. Он извлёк из нагрудного кармана носовой платочек и принялся промакивать им лоб и шею. – Но силищи в нём немеряно.

– А вы чего с ним, боролись, что ли? – наконец спросил следователь.

– Да с ним уж поборешься… На таких, как он, четверых мало, – пробубнил тот, что с платочком.

– Его в больничку надо, на уговоры не соглашается, хотели заставить, – сообщил напарник.

– Ага, только хрена с два у вас это вышло, – усмехнулся Сергей. К слову сказать, оба конвоира были немалого роста и уж точно не робкого десятка. Видимо, дури у «дурачка» было действительно не занимать. – Ну хорошо, и что теперь думаете?

– Сейчас водитель придёт, попробуем снова, – как-то безрадостно ответил конвоир, явно представляя себе очередной раунд, и с надеждой добавил: – Вы с нами, товарищ капитан?

– Ну уж нет, – отмахнулся Ракитин и ещё разок посмотрел на верзилу. Тот сидел с безучастным видом, будто его это всё вовсе не касалось, а даже наоборот. Одет он был неопрятно, коротко стрижен с куцей, буквально в три волосика, бородкой. Свитер с оленями, мятые брюки и почему-то без обуви, но в носках. Причём никаких ботинок или даже тапочек рядом не было.

Грохнула дверь, да так громко, что все трое работников вздрогнули. В коридоре появился водитель.

– Это его, что ли, вы ждали? – усмехнулся Сергей. Уж больно вошедший был щуплым. Люди кивнули, и следователь только с сомнением цокнул. Ему даже стало любопытно, чем всё это закончится. – Ну давайте, мужики, крутите, я, если что, присоединюсь.

Водитель приблизился, и, поздоровавшись со всеми за руку, посмотрел на верзилу, сидящего на подоконнике и беспечно болтыхающего ножками.

– Ким, где ты ходишь! – возмутился один из полицейских.

Ким был невысоким парнем, худощавого телосложения, азиатской внешности и с хитрым прищуром тёмных глаз.

«Кореец», – почему-то Сергею это слово первым пришло в голову. Да и такое имя… Хотя, может, и не имя вовсе, а прозвище.

– Я уж думал, вы с ним справились, – парировал тот.

– Да хрен там плавал, – выругался конвоир и дёрнул за висящий клапан порванного кармана. Раздался треск ткани, и обрывок свалился в пыль старого деревянного настила. – Ну что, погнали?

– Погоди-ка! – Кореец поднял ладонь, и напарники расслабились.

Сергей подобрался. Назревало что-то любопытное.

Водитель неспешно, с нарочитой расслабленностью, подошёл к верзиле и смерил того долгим взглядом.

Позади Ракитина вдруг возник помощник дежурного и хотел что-то сказать, но Сергей жестом остановил его и приложил палец к губам. Дауньшин замер и тоже посмотрел на корейца.

Тем временем тот не спеша вынул из кармана пачку сигарет, извлёк одну и прикурил, чиркнув спичкой. Помощник запыхтел от такой наглости, но промолчал.

– Курить будешь? – спокойным голосом спросил Ким у верзилы.

– Угу, – буркнул тот и потянулся к пачке.

Оба закурили.

– Слушай-ка, – вдруг спросил Ким. – А что это у тебя правый носок на левую ногу надет?

– Носки? Неправильно? – протянул конвоируемый и как-то по-детски принялся их рассматривать. Выглядел он растерянным и сбитым с толку. Часто-часто заморгал, не понимая, что не так.

– Ну, да…

– Товарищ капитан, к телефону, – не выдержал пыхтевший над ухом помощник, и нетерпеливо добавил: – Анадырь.

Ракитин отвлёкся. Раз Анадырь, надо идти. Он оглянулся, уже заходя в помещение дежурки. Ким сидел рядом с верзилой на окне, и они о чём-то тихо беседовали. Видимо, и к этому персонажу получилось найти подход… Чуть позже, когда Сергей выслушивал очередные ценные указания, плотно прижав трубку к уху, за мутным стеклом проскользнули выходящие во двор фигуры конвоиров и этого самого верзилы. В голове Ракитина мелькнула какая-то мысль, однако он, отмахнувшись от всего лишнего, попросил собеседника на другом конце провода повторить последние неразборчивые слова…

Чёрный «Хантер» припарковался напротив отделения полиции. Из машины вылез раздосадованный человек и направился ко входу. Потянув деревянную ручку наружной двери, Сергей прошёл в узкий полутёмный тамбур. В нос ударил густой запах краски. Ракитин сразу заволновался, стараясь понять, к чему не следует прикасаться, но всё, как и прежде, было тускло и уныло. Видимо, красили не здесь, а где-то в другом месте, да и записка «Осторожно, окрашено» отсутствовала. Хотя, возможно, её просто не прикрепили – вполне в духе служителей порядка, отбывающих в этом заведении свой срок.

Тамбур представлял собой небольшое помещение примерно два с половиной на четыре метра, и заканчивался деревянной двустворчатой дверью. Слева обнаружилось маленькое оконце из оргстекла, забранное решёткой и с надписью: «Дежурная часть». Находилось оно на уровне пояса, было обшарпанным и мутным. Возле оконца стояла парта, на которой лежала пластиковая папка с образцами заявлений и ручка на верёвочке. Чуть в стороне, на уровне груди, висела доска объявлений, которая не обновлялась с прошлого квартала. К парте был придвинут стул сомнительной надёжности, – видимо, стоявший здесь со дня учреждения части.

Чуть склонившись, Ракитин заглянул за толстое стекло. Сразу за ним расположился широкий стол, на котором стояло несколько старинных телефонов с барабаном вместо кнопок, органайзер с канцелярскими принадлежностями и пылились толстые журналы. В стороне, словно гирлянда, перемигивались огоньки органов управления всевозможного оборудования, системы связи и слежения «Чистый город». В другом углу – компьютер и закрытые двери в

смежные помещения. Громко вещал телевизор, показывая утомлённому зрителю третьесортный сериал по одному из многочисленных семейных каналов. За просмотром которого и обнаружился помощник дежурного старший лейтенант полиции Дауньшин. Он настолько погрузился в интриги мыльной оперы на экране, что прозевал появление посетителя.

– Василь Михалыч, не спи! – окликнул дежурного Ракитин, продублировав обращение еле слышным стуком по стеклу корпусом своего сотового.

Василий Михайлович Дауньшин был молодым человеком, точнее, мужчиной около тридцати лет от роду, славянской внешности и придурковатой наружности. Стройную его фигуру венчала коротко стриженная светловолосая голова с тонким прямым носом и совершенно пустыми, как чистое небо, голубыми глазами. Иногда брови над ними становились домиком, а губы вытягивались в трубочку. Такой метаморфозой лица этот парень мог выражать множество разных эмоций, но всем каждый раз приходилось угадывать эти эмоции самостоятельно.

Старшего лейтенанта перевели сюда откуда-то из южных регионов, повышать раскрываемость преступлений в этой части огромной страны. Естественно, как передовика производства. И от греха подальше. По причине дичайшего кадрового голода современной полиции и таким, как он, сотрудникам были рады, находили им место службы, а увольняли крайне редко, за совсем уж конкретные залёты.

В свои тридцать лет потомством Василий Михайлович обзавестись не спешил, предпочитая алкоголь, свободу и независимость, компьютерные игры и легкомысленных женщин. После службы в армии молодой человек остался по контракту на несколько лет в рядах мотострелковых подразделений, а позже, не обнаружив для себя смысла и перспектив, уволился из рядов вооруженных сил и вышел на гражданку. Получать специальность было лень, и Дауньшин после продолжительных мыканий по разного рода работам вернулся было в армию, но затем, по наставлению родственников, решил попробовать себя в правоохранительных органах. В полиции Васю быстро раскусили, пошпыняли по различным должностям и нашли ту, где он сможет принести наименьший вред.

– А, товарищ капитан, это вы? – Дауньшин сложил брови домиком, вытянул губы (следовало понимать как удивление) и всмотрелся в лицо посетителя.

– Он самый. Чудина на месте? – осведомился Ракитин. Этот мил человек – Чудина, начальник данного отделения полиции, – недавно въехал на эту должность из рядов своих же товарищей на плечах своих сослуживцев и теперь всячески пытался возвысить себя над окружающими, продолжая паразитировать на их свершениях. Гаденький, но полезный тип. С ним Сергей наладил довольно-таки продуктивный симбиоз и теперь имитировал бесконечную дружбу.

– Здесь, – кивнул помощник дежурного и потянулся рукой под стол, где крепилась кнопка наподобие обычного дверного звонка, открывающая дверь из тамбура внутрь отделения. И действительно, раздался треск, сквозь который едва можно было различить фразу: – Проходите!

Ступив за порог, Ракитин едва не повалился навзничь, запнувшись о бесчувственное тело, развалившееся под ногами. Сразу напротив входа вёл на второй этаж лестничный марш, и если бы не массивные деревянные перила, за которые Сергей и ухватился, лежать бы ему сейчас на полу с выбитыми зубами. Повиснув на перилах и аккуратно сползя вниз, Сергей присел на ступенях, переводя дух и разглядывая неожиданное препятствие.

Им оказался вдрызг пьяный абориген в грязном цветастом свитере и мокрых серых брюках. На одной ноге был ботинок с тупым носом, на второй почему-то ничего. Мужчина лежал лицом вниз, подложив под голову ладони, и беспечно посапывал во сне. Из-под него медленно растекалась лужа, и Ракитин порадовался, что свежая краска в здании перебивает все остальные запахи.

На звук из помещения дежурной части выглянул помощник и, вытянув губы трубочкой, громко произнёс куда-то в пространство длинного коридора, отделённого от лестничного марша металлической решёткой:

– Мужики, я же просил убрать это чучело отсюда, чего вы его здесь бросили-то?! – потом снова повернулся к Ракитину, на лице его появилась озабоченность: – Ты живой, товарищ капитан?

– Твоими молитвами, – огрызнулся следователь, поднимаясь и брезгливо морща нос. Сердце ещё колотилось, перегоняя адреналин после недавнего стремительного падения.

Из коридора послышался топот, и на свет вышли двое ребят в синей пятнистой форме – гвардейцы, чтоб их… У одного в руках был пропавший ботинок со второй ноги пьяного аборигена. На лицах застыла гримаса беспокойства и растерянности одновременно. Стараясь не смотреть в глаза жертве их безалаберности, покряхтев и нагнувшись, бойцы Росгвардии подняли бесчувственное тело и волоком потащили в сторону камер административно задержанных. Голова пьяницы при этом безвольно моталась, а изо рта стекала тягучая слюна. Когда они преодолевали дверную коробку, надетый ботинок, запнувшись о невысокий порожек, слетел с ноги и сиротливо остался лежать в коридоре, отражая кожаным носом свет жёлтой лампы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.